

К ПРОБЛЕМЕ СТИХОТВОРНОГО ЖУРНАЛИЗМА (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА Е. ЕВТУШЕНКО ВРЕМЕН ОТТЕПЕЛИ)

С. Л. Страшнов

Ивановский государственный университет

Поступила в редакцию 7 декабря 2020 г.

Аннотация: с опорой на произведения Е. Евтушенко 1954–1968 гг. ставится вопрос о социальном статусе поэзии, о соотношении литературы и журналистики в период их повышенной активности. Выделяются основные свойства стихотворной публицистики указанного автора: общественный темперамент и гражданский пафос, актуальность и просветительство. Наиболее конкретно рассматриваются очерки и тенденциозные баллады поэта.

Ключевые слова: период оттепели, Е. Евтушенко, стихотворная публицистика, просветительство.

Abstract: based on the works of E. Yevtushenko during the years 1954–1968, the question about the social status of poetry, about the relationship between literature and journalism in the period of their increased activity, is being raised. The main properties of the poetic journalism of the indicated author are highlighted: public temperament and civic pathos, relevance and enlightenment. The poet's essays and tendentious ballads are considered most specifically.

Keywords: «Thaw» period, E. Yevtushenko, poetic journalism, enlightenment.

Одна из первых, исходных глав известной книги П. Вайля и А. Гениса «60-е: Мир советского человека» имеет название «Соавтор эпохи. Поэзия» (см.: [1, 30–36]), и причина тому, как можно понять, не только в беспрецедентном количестве стихолюбых. Существеннее, что профессиональная поэзия на глазах превращалась в феномен социальный и что это обстоятельство нельзя было считать триумфом исключительно литературным. Смеем допустить, что эпохальной силой обладали в ту пору и сами стихи определенного вида, и обостренная в них потребность. В разряд регулярных превращались вечера и «Дни» (как тип издания и как праздник) поэзии; в столицах и в провинции возникали театры с соответствующим репертуаром; тогда привычно стотысячные, но давно немислимые для нас тиражи стихотворных сборников не просто раскупались — кое-что сразу же попадало в разряд дефицита, а некоторые авторы постоянно выступали на площадях и собирали стадионы. Проникали стихи в радио- и даже телеэфир. Резко повысился авторитет слова, в поэмах и миниатюрах вырабатывались новые понятия и ценности, которые быстро проникали в массовое сознание. Стихи неизменно звучали на смотрах художественной самодеятельности, переписывались в общие тетради и блокноты, становились аргументами на комсомольских и производственных собраниях. Да и поэты, в свою очередь, не могли бы писать столь вдохновенно, не чувствуя они дыхания больших аудиторий.

Заметно оживились, творчески окрепли представители всех поколений, их разнообразные имена и строки были на слуху, и все же автором самым выделяющимся выглядел Евгений Евтушенко с его стихотворной публицистикой. Для сравнения: слава песен Владимира Высоцкого оказалась вообще повсеместной, однако он дебютировал, а в особенности определился позже и со своими временами — уже иными, явно обездушенными, — скорее конфликтовал.

Резкое усиление публицистики как таковой для периода, подобного оттепели, было неизбежным — причем не только в журналистике, но и в литературе. Говоря о своей молодости в поздних мемуарах, Евтушенко совершенно справедливо подчеркивал: «Поэты моего поколения, сами того не осознавая, стали родителями нашего воскрешенного общественного мнения» [2, 14–15]. Со второй половины пятидесятых годов стихи все чаще размещались в периодике, обнаруживая свою уместность и чуть ли не родственность окружающим публикациям. Е. Евтушенко тоже печатался там охотно, да и в сборниках его налицо аналоги разнообразного набора газетных жанров — от передовицы до «Уголка юмора». В ранней юности стихотворец многое сотворил по календарным поводам, оперативно откликался на конъюнктуру. Репортерская хватка не изменяла ему и потом, а гражданскому пафосу он оставался верен твердо. Но теперь он уже не участвовал как аккомпаниатор в пропагандистских кампаниях, не дублировал журналистов, а успешно их заменял: брал на себя инициативу там, где официальная пресса набирала в рот воды, а затем выпускала ее на печатные полосы.

В историю журналистики оттепель входит под знаком гласности, то есть свободы, ограниченной дозволением власти. Информация в подобных обстоятельствах выборочная и выставочная, порционно выдаваемая для укрепления строя. Но и такую несвободу в середине прошлого века СМИ подхватывали с энтузиазмом. Избавлялись от ортодоксальности самые прогрессивные по воле Н. Хрущева (тестя главного редактора) «Комсомолка» и «Известия», еще раскованнее вели себя «тонкие» и «толстые» журналы «Смена», «Юность», «Новый мир». Впрочем, в глазах чиновников они проходили по ведомству литературы с ее вынужденно допустимой условностью, а потому писателям на их языке разрешалось говорить побольше, чем прямодушным журналистам. Только и лимитированную гласность приходилось, по словам Е. Евтушенко, выгрызть «из глыб // Главлита, будто бы гранита» [3, 353].

Сближаясь с журналистикой, и в другие времена литература в России нередко осуществляла функции политики, философии, педагогики. Однако период «оттепели» даже для нашей страны был невиданно литературоцентричным, причем медиатизированно литературоцентричным. Разбуженная XX съездом общественность искала информацию, в том числе в СМИ, но получала ее не столько оттуда, сколько из стихов, мемуаров, повестей и пьес. И Евтушенко не опережал журналистов — он закрывал лакуны. Художественно самоутверждались прежде всего события замалчиваемые (как в «Бабьем Яре»). Иные темы совпадали с временным изгибом генеральной линии, и тогда страстное ораторское осмысление их прорывалось на страницы «Правды» («Наследники Сталина»), другие строки долгие годы читались полуподпольно («Письмо к Есенину»). А некоторыми стихотворениями о любви (вроде скандально известного «Ты спрашивала шепотом...») производился подрыв цензуры моральной, и по своему резонансу такая интимная лирика не уступала сенсациям евтушенковских выступлений политизированного толка.

В советские годы публицисты обыкновенно выглядели как активные проводники, ретрансляторы, оформители партийных, то есть чужих, но отнюдь не чуждых для себя идей. Однако отдельные шестидесятники сами вырастали в очевидных властителей дум. Но одновременно усиливалась и обратная зависимость. «Шестидесятникам нужны были читатели и слушатели. Поэтому установка на публикацию у них преобладала» [4, 122]. Стихи при всей своей неизбежной тенденциозности обретали социальную результативность, но совершалось это отнюдь не за счет запредельной радикальности, а с учетом легализации высказываний. Поэтому не только, скажем, И. Эренбург слышал иногда упреки в конформизме, излишней осторожности. Но вот что, по воспоминаниям дочери, автор книги «Люди, годы, жизнь» отвечал одному из своих критиков — Н. Мандельштам: «Ты

пишешь всю правду и прочтут это у нас сто человек, которые и так всё знают. Я пишу только полправды, но прочтут это миллионы, которые не знают ничего» (цит. по: [5, 314]). То есть позиции диссидентской противопоставлена позиция принципиально просветительская. Е. Евтушенко тоже представлял себя неким катером связи. В XIX–XX веках субъект просветительства — это интеллигенция, пытающаяся наладить контакты, а еще лучше — вступить в диалог и с народом, и с властью. Но чаще и привычные письма в ЦК, и усвоение чаяний населения выливалось в одновременные прием наказов и советодательство. У шестидесятников двойственность сохранялась, однако апелляция к народу все-таки преобладала. Ощущение фатальной оторванности от него (у Евтушенко присутствующее, к примеру, в стихотворениях «Долгие крики» и «Изба») породило неодолимое стремление с ним породниться.

Испытанным еще с дореволюционных времен средством для этого вновь стал очерковый жанр. В очерках, в том числе стихотворных, не исключавших перерастания в рассказ, балладу или фельетон, автор обыкновенно решает познавательные-просветительские задачи: выявляя типическое, популяризируя чей-то опыт, он подает свои образы в качестве примеров для подражания или предметов презрения. В годы оттепели, наряду с тягой к самораскрытию, поэты (и некоторые журналисты: Т. Тэсс, Е. Богат, А. Аграновский) реабилитируют незаметного человека. Но если, к примеру, Р. Рождественский в стихотворении о людях-«винтиках» идет от противного и в основном, перебирая эпитеты, риторически опровергает неприемлемую тенденцию обезличивания, то Е. Евтушенко опирается на конкретные судьбы. В его поэмах (начиная с первой — «Станция Зима») и в циклах выстраивается вереница представляющих слой или ряд ничем не выдающихся персонажей: лифтерша Маша и девчата из швейной артели, продавщица галстуков и машинистка, старый бухгалтер и многие другие. Причем автор и в массе выделял фигуры заступников («Кому-то дядя Вася возражает, // кого-то защищает дядя Вася» — [6, 326]), на которых сам был готов равняться.

Люди от сохи и от станка мыслятся писателями-интеллигентами и в качестве объекта поддержки, развития, и как образец духовного здоровья. Поэтому приобщение к демосу питало произведения не только журнализмом и прозаичностью: если они и относились к реализму, то имеющему отношение к сентиментальной приподнятости и публицистической пристрастности. Просветительский реализм почти неизменно совмещает в себе внимание к ближнему и утопичность, претензию быть объективным и взыскательность, аналитизм и мифотворчество, преклонение перед народом и стремление его направлять. В одном из стихотворных очерков Е. Евтушенко — «За молочком» — показаны приметы деревенского

запустения, подмеченные весьма зорко. Но затем они — по принципу тенденциозной градации — станут нагнетаться, хотя и не без горького юмора («Мы не просим о несбыточном эпоху — // нам бы вляпаться в коровью лепеху!» [7, 156]). Убедителен портрет одинокого шорника («На пришлых взгляд бросает: / “Ну что ж, заходи в избу!”, // а сам хомут спасает, / работает узду» [7, 156]), но почти сразу же взгоняется пафос, причем в речи персонажа: «...Сбежать? / В тепле пристроиться к чужому калачу? // Достоинства, / достоинства / терять я не хочу!» [7, 157]. И возникает очевидный стилистический диссонанс этой тирады человека из сибирской глубинки с его же заявочным приглашением.

Как и чрезвычайно благоприятствующая ему гласность, просветительство — тоже компромисс. В отечественных условиях он сказывался в соединении преобразовательных прожектов и здравого смысла, политических доктрин и реальных потребностей населения. Это и составило идеологию «социализма с человеческим лицом», зародившуюся в литературе-журналистике при новой власти задолго до Пражской весны — уже в «Несвоевременных мыслях» М. Горького. Из заколдованного круга контрастов: частного и общего, гуманистического и революционного — советскому просветительству выбраться не удавалось, однако противоположное оно пыталось позитивно сочетать. Застрельщиком и здесь очень часто оказывался Евтушенко. А поскольку народ, в его глазах, талантлив, но, как доверчивый ребенок, нуждается в защите, поэт сам выступает в роли своеобразного ходатая, способного озвучивать и передавать народные послания в «верха» и со всеми своими сомнениями идти «ходоком / к Ленину» [6, 544].

По мнению интеллигентов, наличное обязательно необходимо улучшать, и потому они романтики, склонные к управлению. С другой стороны, шестидесятники учитывали и принимали сегодняшние обстоятельства как непререкаемую данность, тяготея к современности и современникам, хотя сами выступали по отношению к ним наследниками традиций. Прикованностью к повседневному, воссозданием злободневного очерки и поэмы Е. Евтушенко сближались с текущей журналистикой. Разумеется, не во всех темах и не во всех речевых средствах он был пионером, тем более монополистом — допустим, А. Вознесенский демонстрировал урбанистическое, технократическое мышление эпохи НТР гуще, колоритней. Но и определенной. А его сверстник кодов не подавал и выигрывал по части широты ориентиров: несмотря на амбиции поколенческого и интеллигентского лидерства, Евтушенко не замыкался на собственно молодежной или научно-технической аудиториях. Темперамент поэта-публициста побуждал к действиям с диапазоном неограниченным и выводил Евтушенко на возвышение — эстрады, периодического издания.

Программа общественного служения включала в себя и обучающе-воспитательные функции. О чем бы ни рассказывал плодовитый автор: о российской провинции или зарубежных странах, о рядовых соотечественниках или деятелях прошлого, он повсюду надеялся произвести для читателей-слушателей хотя бы невеликие, но открытия — пространств, времен, имен, судеб, характеров. И в отличие от экспрессивного, фантазмагоричного Вознесенского, производилось это скорее исподволь. Даже в сатире, где разоблачения перед публикой разного рода проходимцев тем более острые, чем более плоские — как нож. Метод Евтушенко по преимуществу горизонтальный, экстенсивный, и его циклы выстраивались обычно в маршрутном порядке: кубинский, северный, испанский и т.д. И в этом отношении он тоже типичный очеркист.

В качестве учителя Евтушенко всеяден и потому неглубок, хрестоматиен — он и сам неоднократно признавал собственную поверхностность, но продолжал двигаться тем же путем. Он стремился объяснять, и люди тянулись к стихам, «и люди обучались» [6, 233]. Относительная (по сравнению с тем же Вознесенским) простота стиля, беллетризм и журнализм наращивали и аудиторию. Впрочем, путь к ней не обязательно оставался нехитрым — весьма часто Евтушенко увлекал иносказаниями. В публицистике они, декорируя, призваны увеличивать образный объем, а в ситуации гласности еще и обходить цензуру. Однако обычно символика несложная, и весьма значительное число угадывающих намеки радостно считало себя посвященными. Просветительский эзопов язык уже не столько расширял кругозор, сколько приобщал к неофициальным взглядам на окружающую действительность, подталкивал к сотворчеству. Многие стихотворения Евтушенко (например, «Граждане, послушайте меня...», «Глухариный ток», «Повара свистят») выстраивались по принципу параллели, где первый план вполне жизнеподобен, а второй представлял собой некий обобщающий вывод. В ходу (в «Балладе о штрафном батальоне», «Разговоре с американским писателем», «Монолог голубого песка») развернутые сравнения, аллюзии, аллегории. Центром уподоблений чаще всего являлся скрытый до поры лирический герой: в порядке вещей не только персонажные, но также и предметные («Я кошелек»), даже территориальные («Я остров, окруженный льдом») alter ego.

Большее десятилетие евтушенковских произведений отнесены к балладным, и некоторые из них обладали не совсем привычной для этого жанра реалистичностью. Однако любой сюжет вновь трактуется публицистически. Информационные поводы для Евтушенко не очень существенны — их он находит всюду, а затем примеряет разные судьбы и костюмы и обязательно подводит аудиторию к ожидаемому резюме. К примеру, поэт рассказывает в «Бал-

ладе о смертнике» историю непогибшего японского летчика-камикадзе и сразу проводит прямую, но отнюдь не бесспорную проекцию к себе и к кому бы то ни было: «Все мы смертники. / Все камикадзе» [7, 32] — и такого рода рассуждения занимают всю вторую половину баллады.

Слово «все» выражает коренные особенности творческого мышления автора. Сказовые элементы минимальны даже в лучших монологах — например, Ньюшки из «Братской ГЭС». Поэт, разумеется, что-то заимствовал из речи прототипов, но в большей мере наделял персонажей и аудиторию своими фирменными поэтическими формулами. Да, в тех же балладах чувствовалось влияние реализма: там возникали и узнаваемые картины быта, и психологически точные портреты — однако сведение многообразных коллизий к собственному «я» обнаруживало романтическую подоплеку объективных как будто бы сюжетов. Получалось, что это псевдоэпос: приняв избирательные установки, Е. Евтушенко потом быстро сбивался со сказа на лирическую риторику. Таковы почти все высказывания — в том числе персонажей, а не только пирамиды или кошелька.

Границы оттепели нарезают по-разному: кто-то сокращает их до двух-трех лет, кто-то (особенно в отношении провинции) раздвигает до начала семидесятых, но чаще всего считается: черту подвело вторжение в Чехословакию. Мгновенный отклик Е. Евтушенко («Танки идут по Праге») — последнее по-настоящему безоглядно смелое и уже неподцензурное выступление поэта-публициста. Раздавленный и контуженный этим и последующими обстоятельствами — расползающимся по стране застою — в стихотворении, посвященном песням Б. Окуджавы, он горько бросил вскорее: «Не запевалы — подпе-

валы // нужны опять» [3, 242]. Для Евтушенко семидесятые — это утрата не только собственной, но и социальной молодости. Вопреки возникавшим и тогда порой разуверениям, такое проскальзывает и в «Уроках Братска», и в «Просеке». Теперь, когда ход времени замедлился, авторы, жившие в основном его колебаниями, лишились едва ли не главного — остроты. И еще — общественного эха. Теперь требовалось не прислушиваться, лишь соответствуя эпохе, согласно двигаясь на ее мощной некогда волне, а сопротивляться ей. Но это стало уделом и достоинством уже других авторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вайль П. 60-е: Мир советского человека / П. Вайль, А. Генис. — Изд. 2-е, испр. — М.: Новое литературное обозрение, 1998. — 368 с.
2. Евтушенко Е. Волчий паспорт / Е. Евтушенко. — М.: КоЛибри; Азбука-Артикус, 2015. — 704 с.
3. Евтушенко Е. Граждане, послушайте меня...: Стихотворения и поэмы. / Е. Евтушенко. — М.: Художественная литература, 1989. — 495 с.
4. Радзишевский В. Евгений Евтушенко: «Я ей-богу же лирический поэт. А почему-то не могу не писать на политические темы, будь они прокляты» / В. Радзишевский // Знамя. — 2018. — № 8. — С. 118–130.
5. Фрезинский Б. Эренбург и Мандельштам: (Сюжет с долгим последствием: канва литературных и личных отношений и встреч; жены, борьба за воскрешение поэзии Мандельштама в СССР) / Б. Фрезинский // Вопросы литературы. — 2005. — № 2. — С. 275–318.
6. Евтушенко Е. Собр. соч.: в 3 т. / Е. Евтушенко. — М.: Художественная литература, 1983. — Т. 1. — 559 с.
7. Евтушенко Е. Собр. соч.: в 3 т. / Е. Евтушенко. — М.: Художественная литература, 1984. — Т. 2. — 495 с.

Ивановский государственный университет

Страшнов С. Л., доктор филологических наук, профессор отделения журналистики, рекламы и связей с общественностью

E-mail: sstrashnov@yandex.ru

Ivanovo State University

Strashnov S. L., Doctor of Philology, Professor of the Journalism, Advertising and Public Relations Department

E-mail: sstrashnov@yandex.ru